

Горная дорога на гору Лунцюань была извилистой и крутой, с таким множеством развилок, что даже старые охотники легко могли здесь заблудиться. Изначально Фу Цзюньяо хотел лишь прикинуться навязчивым спутником, чтобы сыграть роль доброго самаритянина: если уж не получится стать проводником, то хотя бы послужит опорой. Однако он не ожидал, что Чэн Цзинсюань, хоть и ступал медленно, двигался уверенно, как опытный путник. Его походка была твердой, а выносливости мог позавидовать любой, так что спустя некоторое время Фу Цзюньяо сам превратился в обузу.

— Еще долго идти? — Фу Цзюньяо то останавливался, то шел дальше, тяжело дыша.

— Почти пришли, — Чэн Цзинсюань поддерживал его под руку, принимая на себя половину веса его тела.

— Но ты говорил то же самое еще полчаса назад, — пожаловался Фу Цзюньяо.

Чэн Цзинсюань наградил его холодным взглядом:

— Если боишься устать, не стоило идти следом.

Фу Цзюньяо пробормотал себе под нос:

— Хм, я ведь из лучших побуждений, боюсь, как бы ты... Кстати, откуда ты так хорошо знаешь эти места?

Чэн Цзинсюань взглянул на него, но промолчал. Обычный человек, заметив нежелание собеседника продолжать разговор, замолчал бы, но Фу Цзюньяо бесцеремонно ткнул Чэн Цзинсюаня в плечо:

— Эй, я тебя спрашиваю.

— ... — Чэн Цзинсюаню пришлось ответить: — Как ты сам и говорил, движение полезно для восстановления мышц и костей. Делать мне все равно нечего, вот и выхожу прогуляться. Какая бы сложная ни была дорога, если пройти по ней сотню раз, волей-неволей запомнишь каждый поворот.

Неудивительно, что в последнее время он то и дело пропадал, а возвращался с грязными подошвами — оказывается, он поднимался в горы. В голове Фу Цзюньяо возник образ Чэн Цзинсюаня, который, опираясь на палку и прихрамывая, с трудом преодолевает подъем, и на душе стало беспокойно.

Удар судьбы, сделавший его хромым, не только превратил его в раздражительного и переменчивого человека, но и наделил упорством и хладнокровием, недоступными обычным людям. Но почему для тренировок он выбрал не широкую дорогу, а эту глухую горную тропу?

Пока Фу Цзюньяо предавался раздумьям, он вдруг почувствовал, что рука, поддерживавшая его, отстранилась. До слуха донеслось журчание воды, и он резко пришел в себя.

— Пришли, — сказал Чэн Цзинсюань.

Фу Цзюньяо поднял взгляд: кристально чистый горный поток низвергался с высоты — поистине величественное зрелище. Внизу вода собиралась в небольшую реку, бегущую с запада на восток. Место, где они стояли, находилось в низине, поток здесь замедлялся и превращался в спокойный ручей.

Чэн Цзинсюань забрал у Фу Цзюньяо небольшой ящик, нашел камень поближе к берегу, достал чистую белую ткань, постелил ее и только тогда сел.

— Ну надо же, какой привередливый, — проворчал Фу Цзюньяо, найдя соседний камень и усевшись на него.

Чэн Цзинсюань как раз закрепил крючок и, прежде чем насадить приманку, сунул ящик в руки Фу Цзюньяо:

— Насаживай.

Приманкой служили дождевые черви, насекомые или мелкие креветки. Рыба любит свежее, поэтому все это было живым и выглядело довольно противно, но Фу Цзюньяо это не пугало. Завернув руку в кусок белой ткани, он ловко подцепил извивающегося червя и быстро насадил его на крючок.

По идее, он ведь даже не коснулся приманки напрямую, можно было просто вытереть руки, но, вспомнив, что рядом сидит Дева с патологической тягой к чистоте, Фу Цзюньяо нехотя поднялся и пошел к реке вымыть руки.

Началось долгое ожидание.

— Слушай, господин хороший, как же так, мы сидим уже столько времени, а поплавков даже не шелохнулся? — Фу Цзюньяо вытянул шею, словно его взгляд мог пронзить глубокую речную воду и увидеть рыбу.

Чэн Цзинсюань бросил на него равнодушный взгляд:

— Рыбалка нужна для закалки духа. С твоим нетерпением удивительно, что рыба вообще должна клевать.

— ... — кажется, его снова отчитали.

Фу Цзюньяо с гордым видом отвернулся, думая про себя: Я даже твою дотошность и брезгливость терплю, так что с моим духом все в порядке!

Фу Цзюньяо, обладающий широкой душой, решил не спорить с Девой, сорвал две травинки и принялся играть сам с собой.

Летом у ручья прохладно, но есть один минус — комары. А Фу Цзюньяо был тем самым человеком, на которого слетаются все насекомые. Пока он плел из травы кузнечика, его успели искушать раз семь-восемь, и теперь все тело нестерпимо чесалось.

— Лучше возвращайся, — нахмурился Чэн Цзинсюань, глядя на Фу Цзюньяо, который весь покрылся волдырями и безуспешно хлопал себя по рукам, пытаясь прибить комара.

— Тсс! — Фу Цзюньяо сделал ему знак глазами.

Чэн Цзинсюань проследил за его взглядом: комар размером с горошину кружил над его плечом. От отвращения его едва не передернуло.

Фу Цзюньяо поспешно покачал головой, невозмутимо вытянул ладони и медленно приблизил их к плечу Чэн Цзинсюаня.

Чэн Цзинсюань затаил дыхание. Раздался громкий хлопок!

— Ха-ха, проклятый комар! Посмел пить мою кровь? Сейчас я отправлю тебя к прабабушке! — едва Фу Цзюньяо закончил фразу, как капля крови медленно потекла по его ладони.

— ...

Чэн Цзинсюань с каменным лицом отвернулся, выражение его лица было хуже, чем при запоре.

Фу Цзюньяо, только что свершивший месть, радостно побежал к ручью снова помыть руки и вприпрыжку вернулся обратно.

Теперь, даже если Чэн Цзинсюань поймает рыбу, вряд ли он захочет ее брать...

— Цзюньяо.

— А? — Фу Цзюньяо вздрогнул, услышав свое имя, и вдруг подумал, что оно звучит очень красиво.

— Возвращайся, — сказал Чэн Цзинсюань. — Рыбалка — это скучно, да и комаров много, тебе здесь не место. Ты просто обычный лекарь, тебе положено прожить спокойную, размеренную жизнь. Сходи, намажься лекарством и поспи еще немного. Больше не приходи.

Опять эти старые песни. Фу Цзюньяо закатил глаза, мысленно ворча: Девы именно такие — о чем говорить не хотят, даже словом не обмолвятся, а о чем хотят — повторят как минимум трижды.

— Ну что ты за человек такой! Целыми днями все скрываешь, только и делаешь, что ворчишь и пытаешься выгнать всех вокруг. Кем ты себя возомнил? Всемогущим героем из легенд? Или высокопоставленным чиновником?

Чэн Цзинсюань опешил, не зная, что ответить.

— Тьфу, ты просто самовлюбленный нарцисс, — Фу Цзюньяо закинул ногу на ногу и небрежно добавил: — Я знаю, у тебя есть свои планы и расчеты, но нельзя же все тянуть в одиночку! Даже если я бесполезен, твою ногу вылечил именно я! И вообще, черви такие противные, если не хочешь моей помощи, насади приманку сам, я посмотрю. Давай! Насаживай!

— ... — Чэн Цзинсюань был настолько ошарашен этим напором, что лишился дара речи. Лишь спустя долгое время он выдавил:

— Я не хочу втягивать тебя в свои беды.

Фу Цзюньяо замолчал, опустил ногу и даже выпрямил свою вечно сгорбленную спину, приняв серьезный и величественный вид:

— С того самого дня, как господин Чэн приютил меня, наши судьбы связаны. Хорошо ли, плохо ли — я никогда не думал о том, что ты можешь меня оттолкнуть.

— Я... я тоже не хотел тебя отталкивать, — голос Чэн Цзинсюаня стал тише, почти перейдя в шепот.

Динь-дон! В голове раздался знакомый электронный звук: Поздравляю Хозяина, уровень симпатии целевого персонажа повышен на 1 балл. Текущий уровень симпатии — 93.

Фу Цзюньяо слегка улыбнулся и вдруг заметил, как дрогнуло удилище, а по воде пошли круги:

— Смотри, кажется, рыба клюет?

Чэн Цзинсюань тоже уставился на воду. Удилище согнулось, а на поверхности забулькали пузыри.

— Посмотри там!

Чэн Цзинсюань стремительно схватил удочку и, забыв о своей хромоте, бросился к воде. Фу Цзюньяо поспешил за ним. Леска натянулась до предела, удилище отчаянно ходило ходуном. Фу Цзюньяо заглянул в воду и увидел, что на поверхность всплыло большое пятно крови.

— В воде кто-то ранен! — воскликнул Фу Цзюньяо.

— Спасаем! — Чэн Цзинсюань улыбнулся, в его голосе прозвучала радость человека,ждавшего добрых вестей.

Фу Цзюньяо замер: этот парень ведь терпеть не может лезть не в свое дело? Как же так... Впрочем, спасение жизни — долг каждого.

— Я умею плавать, я сам! — Фу Цзюньяо сделал шаг вперед, собираясь прыгнуть в воду.

— Не нужно, — Чэн Цзинсюань одной рукой удержал его, а другой опустил удилище в воду, поводит им из стороны в сторону, пока не почувствовал, что что-то зацепилось. Он крикнул в воду: — Держись крепче, мы вытянем тебя!

Удилище резко дернулось вниз, словно на крючок попалась огромная рыба. Чэн Цзинсюань напрягся, леска натянулась как струна, по воде пошли круги. Фу Цзюньяо тут же бросился на помощь, они вдвоем изо всех сил потянули. Грязь со дна поднялась, кровь окрасила воду, и казалось, что что-то тяжелое медленно поднимается на поверхность.

Удилище натянулось до предела. Фу Цзюньяо почувствовал, что сил не хватает, и закричал:

— Держись крепче, удочка сейчас сломается!

Видимо, это тело действительно было проклято, потому что, едва он договорил, раздался хруст — бамбуковое удилище переломилось пополам, и то, что было на крючке, стало медленно уходить на дно.

— Мамочки... — Фу Цзюньяо впервые воочию убедился в силе своего проклятия.

Чэн Цзинсюань коротко вздохнул, сунул ему в руки обломок удилища и скомандовал:

— Жди здесь, в воду не лезть!

— Эй...

Он не успел договорить, как раздался всплеск — Чэн Цзинсюань ловко нырнул в воду и поплыл в глубину.

Эта молниеносная перемена лишила Фу Цзюньяо дара речи. Слова застряли в горле — там же столько грязи, ты что, не боишься?

Тем временем Чэн Цзинсюань, нырнув в то же место, где только что видел силуэт, вскоре нащупал человека. Со дна поднялась муть, а из раны продолжала сочиться кровь, делая воду непроглядной. Чэн Цзинсюань действовал на ощупь, наконец схватил человека за пояс и, работая ногами, словно хвостом, с трудом потащил двоих на поверхность.

Фу Цзюньяо метался по берегу. Прошло не так много времени, но он извелся, как обезьяна с горящим хвостом. Наконец он увидел движение воды и бросился к краю:

— Цзинсюань, это ты?

Вода не ответила, но забурлила сильнее. На поверхность всплыли черные водоросли, Фу Цзюньяо радостно подался вперед, но тут из воды показалась бледная голова, покрытая спутанными волосами!

— Призрак! — Фу Цзюньяо от страха плюхнулся на землю.

Фу Цзюньяо с детства был существом вредным, лазал по горам и морям, ничего не боялся, но была у него одна слабость — он до смерти боялся призраков. Стоило кому-то разыграть его, как он терял способность двигаться.

Голова, показавшаяся из воды, безвольно склонилась набок, обнажив грубое лицо с густой бородой, отчего вид стал еще страшнее. Вскоре показались плечи, а на бледной коже виднелись кровавые пятна.

Фу Цзюньяо, пересиливая страх, подошел к мелководью и позвал:

— Цзинсюань?

Вода снова забурлила, и показался белый силуэт. Фу Цзюньяо возликовал, узнав знакомое лицо.

— Цзинсюань! — закричал он.

— Кто просил тебя лезть в воду? Уходи!

Фу Цзюньяо пропустил слова мимо ушей, протянул обломок удочки:

— Хватайся, я вытяну вас!

Чэн Цзинсюань увидел, что Фу Цзюньяо стоит лишь по колено в воде, и перестал сопротивляться, хватаясь за удище. Когда они приблизились к берегу, Фу Цзюньяо бросил удочку и хотел помочь Чэн Цзинсюаню, но тот сначала вытолкнул на берег мужчину. Фу Цзюньяо пришлось сначала вытащить незнакомца, а когда он обернулся, чтобы помочь Чэн Цзинсюаню, тот уже выбрался сам.

После этого купания все трое были выжаты как лимоны. Чэн Цзинсюань, весь в крови и грязи, испытывал к себе такое отвращение, что решил: раз уж испачкался, то до конца — и взвалил потерявшего сознание мужчину на плечи.

— Твоя нога только зажила, нельзя поднимать тяжести! — воскликнул Фу Цзюньяо.

Чэн Цзинсюань махнул рукой:

— Ничего, сначала дотащим его до дома.

— Я лекарь, слушай меня! — Фу Цзюньяо силой переложил мужчину на свою спину и, сделав пару шагов, чуть не рухнул под его весом.

Кажется, мне действительно нужно подлечить почки...

— Давай вместе, — сказал Чэн Цзинсюань.

В конце концов, им вдвоем удалось дотащить раненого до дома.

Тот был тяжело ранен. Фу Цзюньяо, даже не успев переодеться, принялся промывать раны, накладывать мази и бинты — работа была нудной и кропотливой. Провозившись больше часа, он наконец смог сменить мокрую одежду и помчался в хижину лекарь варить отвар.

— Как он?

У входа раздался знакомый голос. Фу Цзюньяо обернулся: конечно, это был тот самый любитель белых одежд, который вечно хмурится и строит из себя крутого.

— Тяжело. На спине и руке глубокие порезы, много ссадин, ничего смертельного, но потерял много крови. Придется долго восстанавливаться.

— Хорошо, что не смертельно.

— Почему ты его спас? Старый знакомый? — спросил Фу Цзюньяо, перебирая травы.

Чэн Цзинсюань промолчал. В маленькой хижине повисла странная тишина.

— Я просто спросил, если не хочешь...

— Хочу, — отрезал Чэн Цзинсюань. — Слишком много нитей, я не знал, с чего начать. Но раз ты спросил, расскажу все с самого начала.

Он достал из рукава тонкий черный железный крюк и протянул Фу Цзюньяо:

— Это нашли у него. Узнаешь?

Фу Цзюньяо честно покачал головой, взял крюк, взвесил его — он был чуть тяжелее обычного, выглядел прочным. Он попытался согнуть его, но тот даже не дрогнул. На поверхности не было никаких узоров, только на рукоятке был выгравирован маленький иероглиф Цао.

В его голове всплыли воспоминания прежнего владельца тела:

— Он... из усадьбы Цинцао?

Чэн Цзинсюань торжественно кивнул.

История началась давно. В первый год основания династии на северо-западных окраинах случилась страшная катастрофа — скудная земля не принесла урожая, в то время как земли Цзяннани процветали. Чтобы спасти людей от голода, двор приказал перевозить зерно с юга на север.

Северо-запад всегда был бедным, каждый год там умирали тысячи людей, и двор был вынужден ежегодно переправлять туда огромные запасы продовольствия. Но будь то сухопутный или водный путь, Суйчжоу был неизбежным пунктом на дороге между северо-западом и Цзяннанью. А так как единственным источником воды в Суйчжоу была гора Лунцюань, это место стало стратегически важным.

До начала проекта на горе Лунцюань располагался фруктовый сад, у которого был хозяин. Когда двор решил выкупить землю, хозяева наотрез отказались, а благодаря связям и огромным взяткам дело удалось замять.

Глава той семьи, человек дальновидный, тут же вырубил фруктовые деревья, отвел горные

ручьи к подножию, проложил дороги и каналы, активно помогая государственной логистике. Вскоре он получил поддержку двора и быстро развился, превратившись в знаменитую усадьбу Цинцао. Усадьбе, как и самому проекту перевозок, было уже более шестисот лет.

Все эти века усадьба Цинцао находилась в полулегальном статусе, имея связи как с черным, так и с белым миром. Владельцы менялись, но неизменным оставался их авторитет в мире боевых искусств. Со временем коррупция и сращивание с властью стали обычным делом, двор закрывал на это глаза, а запутанные силы в мире боевых искусств мешали навести порядок.

Так сложился хрупкий баланс между двором, усадьбой Цинцао и преступным миром. Всех это устраивало, страдал только простой народ.

Но несколько лет назад в Суйчжоу приехал новый префект — Чэн Цянь. Он был человеком бесстрашным, честным и до ужаса упрямым. За несколько месяцев он умудрился настроить против себя и черных, и белых.

Говорят, из-за его политики народ хоть и стал сыт, но глава усадьбы Цинцао, чиновники и лидеры банд лишились огромных прибылей. Разве такой человек мог долго прожить?

И вот, во время очередного сезона перевозок зерна, случился скандал. Префект Чэн Цянь, этот жадный до денег коррупционер, якобы присвоил пятьсот тысяч дань зерна, предназначенного для северо-запада, и спрятал в своем секретном хранилище.

Глава усадьбы Цинцао, Чжу Юн, человек благородный, обнаружил пропажу и попытался убедить префекта вернуть зерно. Тот предложил ему сто тысяч серебром, но честный глава Чжу отказался и подал жалобу в столицу.

Министерство наказаний быстро приняло дело, доказательства были налицо. Чэн Цяня приговорили к конфискации имущества и снятию с должности, отчего он скорострительно скончался. Странно было лишь то, что в его доме нашли всего сто семьдесят лян серебра. Тогда один из подручных усадьбы Цинцао пошутил, что на эти деньги даже нищего не покормить.

Все решили, что коррупционер, зная о грядущем обыске, применил магию и спрятал деньги. А если вы спросите, как чиновник мог владеть магией — ну так ведь он был коррупционером, а они в глазах народа всемогущи.

— Ты хочешь сказать, что усадьба Цинцао вступила в сговор с коррупционерами, чтобы подставить господина Чэна?

Чэн Цзинсюань кивнул.

— Неудивительно, что ты в последнее время каждый день ходил на рыбалку — это была засада!

Но откуда ты знал, что люди из усадьбы Цинцао появятся у реки?

— Я не был уверен. Но в последнее время между усадьбой и двором возникли трения — видимо, новый император хочет приструнить эту серую зону. Я выжидал на горе Лунцюань, надеясь найти зацепки. Сегодняшний улов — это просто случайность, слепой кот наткнулся на дохлую мышь.

<http://bllate.org/book/20359/2035414>